

Чжоу Ло отнёс его в спальню, избавляя от необходимости выслушивать скучные взрослые приветствия.

В руке у брата остался всего один пакет — просто огромный. Разглядывая яркий рисунок на коробке, Янь Ци сразу догадался: там игрушка.

Наверняка подарок для него.

«Главное, чтобы не кукла, — подумал он. — Остальное сойдёт».

Пусть ему уже исполнилось восемь и осенью предстояло пойти в третий класс — возраст, когда в игрушки вроде как уже не играют, — сердце всё равно забилось быстрее. Хотелось поскорее узнать, что же приготовил Чжоу Ло.

Когда Чжоу Ло опустил перед ним тяжёлую коробку, Янь Ци сквозь прозрачный пластик увидел разобранную миниатюрную ударную установку.

Мальчик непроизвольно сглотнул слюну.

— Брат, это правда мне? — в его голосе всё ещё звенело недоверие.

— А кому же ещё? Разве здесь есть кто-то третий? — Чжоу Ло присел напротив него. — Нравится?

— Очень! — Янь Ци вытащил из коробки барабанные палочки, сжал их в ладонях и легонько ударил по мембране. Барабан отозвался гулким, на удивление настоящим звуком.

— Тут ещё несколько простых партитур, — Чжоу Ло ласково взъерошил ему волосы. — Попросил у одного знакомого. Если захочешь, сможешь разучить пару ритмов. Парни за барабанами всегда выглядят чертовски круто.

Его впервые называли «парнем», а не просто несмышлёным ребёнком.

Янь Ци заворожённо смотрел на Чжоу Ло. Тот был невероятно красивым, с мягким, приятным голосом, удивительно заботливым, а главное — он относился к нему с такой теплотой. В этот миг пустота, которая так долго зияла в груди мальчика, заполнилась до краёв. Его захлестнул такой восторг, что захотелось закричать во весь голос.

— Спасибо, брат, — сдерживая рвущиеся наружу эмоции, прошептал Янь Ци.

Он аккуратно сложил палочки вместе с нотами и бережно, стараясь даже не дышать, опустил

их на прикроватную тумбочку.

Янь Ци терпеть не мог мясо. В отличие от своего соседа по парте, пухлого Сяо Панцзы, который уплетал куриные ножки вместо конфет, он предпочитал овощи. Он ел всё, кроме мясного, но сегодня изменил своему правилу.

Чжоу Ло то и дело заботливо подкладывал ему в тарелку сочные кусочки, и мальчик послушно отправлял их в рот, уткнувшись в пиалу с рисом и пряча счастливую улыбку.

Обеды и обязательные любезности подошли к концу. Подарки были вручены, и Чжоу Сюнь решил, что пора отвезти Чжоу Ло повидаться с бабушкой и дедушкой.

Янь Ци отчаянно хотел поехать с ними. Не ради знакомства со стариками — ему просто безумно хотелось провести рядом с Чжоу Ло ещё хотя бы немного времени. Но Су Цзинь молчала, а сам он навязываться не смел. Мальчик уже смутно понимал истинные причины такой отстранённости.

«Похоже, усыновить меня решила одна лишь тётя Су», — догадался он.

— Скоро я снова приеду, — Чжоу Ло легко подхватил Янь Ци на руки и пару раз подбросил его в воздух. — К следующему разу ты должен хоть немного поправиться, а то так и останешься коротышкой.

— Посмотри на своего брата — вымахал под метр девяносто, настоящий богатырь! Расти таким же, чтобы, если небо рухнет, вы вдвоём его удержали, — Чжоу Сюнь, уже сидевший в машине, нетерпеливо помахал рукой. — Ладно тебе с мелким миловаться. Ещё в аэропорту все уши про него прожужжал. Оставил бы его себе, раз так привязался.

— Если дядя не против, я только за, — рассмеялся Чжоу Ло, бережно опуская Янь Ци на землю. — В следующий раз он, небось, уже и обнять себя не разрешит.

— Разрешу. Всегда буду разрешать, — серьёзно ответил Янь Ци, вцепившись в его ладонь и не отрывая взгляда от его лица.

Чжоу Ло и Су Цзинь, тихо переговариваясь, подошли к машине. У пассажирской двери парень мягко обнял женщину и негромко, чуть нахмурившись, произнёс:

— Мы все знаем характер дяди Хао. Тётя, пожалуйста, будь к нему снисходительнее.

— Знаю, знаю, сынок. Ты у нас самый чуткий, — Су Цзинь прослезилась и поспешно отвернулась, чтобы скрыть слёзы.

— Янь Ци, — Чжоу Ло присел перед малым на корточки и легонько щёлкнул его по носу. — А ну-ка, поцелуй брата на прощание.

Янь Ци опешил от такой неожиданной ласки, но тут же крепко обвил руками его шею и звонко чмокнул в щёку. Кожа у Чжоу Ло оказалась тёплой и упругой.

— Ну вот, зацеловал до слюней, — с улыбкой проговорила Су Цзинь, доставая бумажный платок, чтобы вытереть щёку парня.

— Ну всё, я поехал. Возвращайтесь в дом. Янь Ци, налегай на мясо! В следующий раз проверю, насколько ты окреп, — Чжоу Ло сел в машину, пристегнул ремень и, опустив стекло, помахал им рукой.

Янь Ци долго стоял на дороге, провожая взглядом удаляющийся автомобиль, пока тот не скрылся за поворотом. Лишь после этого он с тоскливым вздохом повернул обратно к дому.

— Как там дедушка с бабушкой? Справляются? — Чжоу Ло облокотился на дверцу, прижал пальцы к виску и прикрыл глаза, стараясь говорить как можно непринуждённое.

Чжоу Сюнь промолчал.

— Что-то случилось? — Чжоу Ло открыл глаза и повернулся к дяде.

— Дед твой... своё уже отжил, — глухо отозвался Чжоу Сюнь.

— Да ты шутишь? Ему же только семьдесят три исполнилось! Какое «отжил»? — Чжоу Ло мгновенно подобрался и сел прямо. — Дядя, говори как есть.

— В народе говорят: семьдесят три да восемьдесят четыре — самые опасные годы для стариков. Видно, этот рубеж отцу не перейти, — Чжоу Сюнь приоткрыл окно, закурил и протянул пачку Чжоу Ло. — Ещё вчера казался бодрым, а потом — бац, инсульт. Почти два года уже парализованный лежит.

Мать Чжоу Ло ушла из жизни, когда ему исполнилось шесть. Он знал, что она тяжело заболела после его рождения — в те годы семья едва сводила концы с концами, не было денег даже на нормальное восстановление. Вместо этого ей приходилось мотаться по съёмным углам вслед за мужем, постоянно менявшим работу. Её изнурённый организм долго цеплялся за жизнь, но силы иссякли. Она угасла тихо, во сне.

Смертельно бледная, иссохшая женщина на кровати и измученный, потерявший человеческий облик мужчина, склонившийся над ней, — это было единственное, что Чжоу Ло помнил о родителях.

Черты лица матери давно стёрлись из памяти — остался лишь снимок в рамке на тумбочке у телевизора. От дяди он знал, что когда-то она страстно любила лёд, занималась фигурным катанием и даже завоевала какие-то награды, но после свадьбы больше ни разу не надевала коньки.

После её смерти отец окончательно сломался. Он забросил работу, перестал заботиться о сыне и переложил все заботы на плечи престарелых родителей и Чжоу Сюня.

Сколько Чжоу Ло себя помнил, его растили дедушка, бабушка и дядя. Образ отца стёрся до основания, став безжизненным пятном. И когда перед самым поступлением в университет Чжоу Сюнь осторожно сообщил ему, что отец погиб в автокатастрофе через пару лет после матери, Чжоу Ло не почувствовал ровным счётом ничего.

Ему было проще называть папой Чжоу Сюня, чем ронять слёзы перед чужим лицом на надгробной плите. И дело было не в упрямстве. Он просто чувствовал, что из-за безответственности родного отца — Чжоу Юаня — стал обузой для всей семьи.

Хорошие дети взрослеют рано. Вот и Чжоу Ло быстро лишился детской наивности, обрёл несвойственную возрасту серьёзность и рано начал самостоятельную жизнь.

Дедушка с бабушкой занимали в его сердце особое место, поэтому известие о болезни старика больно резануло по живому. В горле встал комок, перехватив дыхание.

Тем временем Янь Ци продолжал служить для Чжоу Хао «боксёрской грушей» и громоотводом. С каждым днём побои и вспышки чужого гнева становились всё чаще.

Дни тянулись бесконечной чередой ожиданий. Янь Ци надеялся на новую встречу с Чжоу Ло, но незаметно подошло время идти в пятый класс.

Мальчик стоял, прижавшись спиной к стене, пока Су Цзинь ровно прижимала к его макушке книгу. Чтобы казаться выше, он самую малость приподнялся на цыпочках — совсем чуть-чуть, ведь через пару дней он всё равно дорастёт до этой отметки. Когда на обоях появилась тонкая карандашная черта, Янь Ци обернулся и так и застыл: целых пять сантиметров! Он радостно запрыгал на месте.

Откуда в нём взялся этот безумный восторг? Наверное, дело было в словах Чжоу Ло, который переживал, что брат останется коротышкой. А теперь Янь Ци вырос, и ему нетерпелось поделиться этой радостью.

Вот только Чжоу Ло больше не приезжал.

Однажды ненастной ночью в дом буквально ввалился вдрызг пьяный Чжоу Хао. От него разило дешёвым алкоголем, а одежда насквозь промокла под проливным дождём. Он без конца

повторял одну и ту же фразу:

— Старик преставился... Всё, нет больше нашего деда.

Су Цзинь больше часа возилась с ним: обтирала мокрым полотенцем, заваривала медовую воду. Всё это время Чжоу Хао безутешно рыдал, размазывая слёзы по лицу.

Его пьяный плач казался бесконечным, словно гроза за окном.

Кое-что сопоставив из этих бессвязных причитаний, Янь Ци догадался, что умер дедушка Чжоу Ло. Сам он к незнакомому покойному никаких чувств не испытывал, но эта буря заставила его вспомнить день, когда не стало директора Гао. Тогда тоже гремели грозы, и резкие раскаты грома заставляли сердце испуганно сжиматься.

Спустя неделю Янь Ци облачили в строгий чёрный костюм. Су Цзинь бережно приколотла к его лацкану большой белый тканевый цветок. По дороге на кладбище она судорожно сжимала его ладошку, не отпуская ни на мгновение, так что пальцы у обоих вспотели.

Прощание проходило в ритуальном зале на юге города, неподалёку от их дома.

Церемонию организовали с размахом — зал ломился от людей.

Чжоу Хао, обычный неотёсанный мужлан, никогда не водил дружбу с приличными людьми. Все его знакомства ограничивались собутыльниками и картёжниками, которые при малейших трудностях разбегались быстрее олимпийских спринтеров. Поэтому среди гостей не было ни одного соседа, кого Янь Ци привык видеть дома.

Друзья погибших много лет назад супругов Чжоу Юаня тоже здесь не появились — мало кто из прежних знакомых спустя пятнадцать лет помнил их лица, да и связей с семьёй Чжоу они давно не поддерживали.

Многочисленные гости бесконечной вереницей тянулись мимо гроба, скорбно кивая стоявшему во главе процессии Чжоу Сюню. Янь Ци невольно проникся к этому человеку уважением: все эти важные господа в дорогих костюмах пришли сюда исключительно из уважения к нему.

Когда Су Цзинь слегка подтолкнула его в спину, чтобы они вместе подошли к поминальному алтарю и поклонились праху, Янь Ци заметил пожилую женщину. Она стояла у огромного чёрно-белого портрета, высохшая и хрупкая, словно сухая ветка, готовая переломиться от лёгкого дуновения ветра. Бабушка безутешно рыдала, но стоило ей увидеть Янь Ци, как в её скорбном взгляде промелькнуло растерянное недоумение.

Су Цзинь тут же мягко увлекла мальчика в сторону, и они затерялись в толпе рядом с Чжоу

Хао.

С самой первой минуты в ритуальном зале Янь Ци только и делал, что искал кого-то взглядом. Он знал, что Чжоу Ло обязан быть здесь.

Но сколько он ни всматривался в лица, парня нигде не было. Тогда Янь Ци принялся дотошно изучать каждый угол. Смерть незнакомого старика его не трогала — единственным проблеском радости в этот мрачный день была надежда увидеть Чжоу Ло спустя долгие два года. И пусть тот не сдержал обещание приехать к нему сам, Янь Ци готов был сделать первый шаг.

Но церемония близилась к концу, а Чжоу Ло так и не появился.

Надежда, едва вспыхнув, угасала, оставляя в душе горький осадок. Мальчику вдруг отчаянно захотелось разрыдаться, разбить что-нибудь или на кого-нибудь наброситься.

Он ненавидел это гнетущее чувство бессилия.

Когда гости начали расходиться, Чжоу Сюнь наконец освободился, подошёл к Су Цзинь и что-то негромко шепнул ей на ухо. Затем он наклонился, намереваясь подхватить Янь Ци на руки.

Но мальчик за два года заметно вытянулся и потяжелел. Мужчина, явно не ожидавший такого подвоха, чуть не потянул спину.

— Да уж, иди-ка ты лучше сам, — кряхтя, Чжоу Сюнь опустил его на пол и легонько подтолкнул вперёд.

Янь Ци проследил за направлением его руки. Сквозь просветы в толпе он разглядел Чжоу Ло. Тот неподвижно сидел в самом дальнем углу, позади траурного портрета деда.

Тень от стены надёжно укрывала его от чужих глаз.

Янь Ци замер, почувствовав, как в груди поднимается странная, щемящая волна дежавю.

Перед глазами встал старый тополь во дворе приюта и он сам, одиноко сидящий под ним после смерти директора Гао.

Эта внезапная вспышка родственных чувств отозвалась в сердце непреодолимым желанием броситься к Чжоу Ло, обнять его изо всех сил и больше никогда не отпускать.

И он решил не сдерживаться.

Янь Ци двинулся вперёд, но уходящие люди то и дело преграждали ему путь. Скрывать раздражение становилось всё труднее. Наконец, разозлившись, он сердито топнул ногой и просто стал проталкиваться сквозь толпу напролом.

Почти добежав до Чжоу Ло, он замедлил шаг и подошёл к нему тихо, стараясь не спугнуть момент.

Остановившись рядом, Янь Ци застыл, переводя дух. Он просто не знал, что делать дальше.

Услышав шаги, Чжоу Ло медленно поднял голову. Взгляд его был отрешённым, а глаза — пугающе красными от слёз.

— Пришёл всё-таки, — Чжоу Ло попытался выдавить подобие улыбки.

— Брат... — позвал Янь Ци и замолчал. Нужные слова никак не находились. Мальчик понимал, что любые утешения сейчас прозвучат глупо и бесполезно, а сочувствовать он никогда не умел. В конце концов, зажмурившись от неловкости, он выдал: — Давно не виделись.

Услышав это, Чжоу Ло впервые за день улыбнулся по-настоящему тепло.

— Иди сюда, — Чжоу Ло слабо помахал рукой. — Дай я тебя обниму.

Янь Ци порывисто шагнул вперёд и крепко обхватил его за шею.

Плечо мальчика быстро промокло от слёз. Вспомнив, как Чжоу Ло утешал его самого, Янь Ци начал несмело похлопывать брата по спине. Но это не помогало — Чжоу Ло зарыдал ещё отчаяннее.

«Неужели от этих похлопываний только хуже? — испугался Янь Ци, замерев на месте. — Ладно, буду гладить. Если перестану, он решит, что мне надоело, и отпустит».

Так он и простоял больше полутора часов, аккуратно поглаживая брата, пока ладонь не заныла.

— Чего ты так колотишь-то? — Чжоу Ло шмыгнул носом и легонько щёлкнул его по переносице, после чего взъерошил волосы.

— Я испугался, когда ты заплакал, — честно признался Янь Ци и тихо добавил: — Больно было?

— Да ну, глупости, — парень вытащил бумажный платок, вытер лицо и громко высморкался.

Янь Ци протянул ему свою покрасневшую ладошку.

— Зато мне больно.

Чжоу Ло оторопело уставился на его ладонь, а затем не выдержал и звонко рассмеялся, хоть глаза у него всё ещё были влажными.

— Ну и как мне теперь загладить свою вину?

Янь Ци заворожённо разглядывал его красивое лицо. Ему хотелось запечатлеть в памяти каждую чёрточку, чтобы потом бережно хранить эти воспоминания и возвращаться к ним в самые тоскливые дни. А лучше — видеть во сне каждую ночь.

— Больше не плачь, — Янь Ци осторожно смахнул подушечкой пальца дорожку от слезы на его щеке. — Пожалуйста, никогда больше не плачь.

<http://bllate.org/book/20076/2028793>